АЛЬТЕРНАТИВНАЯ КУЛЬТУРА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Представлен анализ одного из вариантов культуры «пост», сменяющей культуру модернизма, – альтернативной культуры. Рассмотрены основные направления исследования культуры, разрабатываемые в альтернативных концепциях культуры: экологическое, романтическое и технологическое.

Ключевые слова: культура; альтернативные концепции культуры; философия культуры.

В европейской философии традиционно проводится разграничение между биологической эволюцией и культурой, транслирующееся в оппозицию природы и культуры (исключение представляет концепция И. Гердера). Культура изучается как феномен, взаимосвязанный с развитием общества или цивилизации, что в теоретическом аспекте нашло выражение в рационалистической (XVIII–XIX вв.), циклической (конец XIX – начало XX в.), плюралистической (XX–XXI вв.) парадигмах исследования культуры. Рационалистическая парадигма (И. Гердер, А. Тюрго, И. Кант, Ф. Шеллинг, Г. Гегель) фиксирует процесс линейного роста культуры (в форме стадий, этапов, образов), связанный с усложнением прогрессивно-поступательного общественного развития. Циклический подход базируется на представлениях о нелинейности и прерывистости историко-культурного процесса и интерпретирует развитие социокультурных образований в форме цикла по аналогии с развитием живого организма. Несмотря на биологические аналогии, культура выступает в циклизме как искусственная структура, противоположная природе.

В XX–XXI вв. знание о культуре эволюционирует от унифицированной универсальной, монологичной реконструкции универсума культуры к вариативной парадигме. Культура изучается с различных позиций: философии жизни (В. Дильтей, Г. Зиммель), феноменологии (Э. Гуссерль), герменевтики (М. Хайдеггер, Г. Гадамер, Ю. Хабермас, П. Рикер), психоанализа и постфрейдизма (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Э. Фромм), структурализма и постструктурализма (К. Леви-Стросс, М. Фуко, Р. Барт, Ж. Лакан), символизма (Э. Кассирер, С. Лангер), антропологии (М. Шелер) и др.

Поворот современного знания о культуре к исследованию альтернативных вариантов развития культуры формирует плюрализм современных культурологических концепций. Специфика осмысления современной культуры состоит не в том, чтобы изучить ее существование под маской изменений, а в том, чтобы раскрыть сущность происходящих изменений.

Модернистская культура подвергается критике с разных позиций. В традиционных романтических и социалистических концепциях ее сущность раскрывается как меркантильная. Альтернативизм исходит из другого противопоставления: искусственно организованного и естественного (спонтанного) бытия. Можно выделить два момента критики модернистской культуры в альтернативных концепциях: понимание технического способа бытия в мире как всеобщего и характеристика идеологизированного гуманитарного знания как источника принудительной организации современной жизни. Первый момент включает в себя как главный объект критики сциентизм новоевропейской куль-

туры, история которой предстает как результат ошибки разума, изначально избравшего неверную ориентацию.

Стержень истории «сумасшествия разума» (по определению теоретиков Франкфуртской школы) – экспликация тоталитаристских потенций, скрытых в логической рациональности. Миф, представляющий собой начало и конец буржуазной цивилизации, утвердил как факт реальности самоотчуждение природы, в чем заключается суть подавляющей рациональности, угнетательской научности, буржуазного просвещения, изначально принявшего ложное направление, реализовавшееся в неудачной цивилизации. Миф и наука не знают другого способа освоения действительности, кроме овладения и господства над ней, оборачивающегося эксплуатацией человека человеком. С точки зрения Г. Маркузе, наука и техника выступают как подавление не только внешней природы, но и внутренней (самого человека), в «современную эпоху технологическая реальность вторгается в это личное пространство и сводит его на нет» [1. С. 14]. Фаустовский принцип реальности, на основании которого осуществляется подавление витальных влечений индивида, отождествляется альтернативистами с принципами рациональности и научности и рассматривается как фундаментальный принцип классово-угнетательского общества в целом.

Второй момент критики модернистской культуры в альтернативизме заключается в ее негативной оценке как глобального социокультурного переворота, перехода от естественных к искусственно организованным формам бытия, произошедшего, вопреки общепринятому мнению, в сфере не материального, а духовного производства: в университетах, где была сформирована программа научной организации сознания.

Промышленный технологизм оторвал человека от природы, социально-культурный технологизм отрывает его от естественной среды, что проявляется в таких механистических чертах новоевропейской культуры, как утилизация, производственный принцип организации, использование ее как важнейшего принципа человеческой инженерии, проспективистская установка, влияние массового духовного производства на изменение мира. В результате этого возникает репрессивный характер культуры: на одной стороне выступает массовая система духовного производства, от которой исходят предписания, на другой – лишенная самостоятельности, «мозаичная» жизнь гражданского общества, комбинируемая и монтируемая согласно тем или иным технологическим проектам. Наука обеспечивает господство в двух смыслах: как производительная сила она закрепляет господство общества над природой и как инструмент объективного познания апеллирует к предметному миру человека, т.е. к своим собственным

порождениям, к самой себе. Во всех случаях она гарантирует закрепление определенного типа господства над человеком, причем силы, господствующие в позднекапиталистическом мире, не нуждаются во внешнем навязывании своей воли: достаточно воззвать к здравому смыслу людей, заранее замкнутому между онаученным миром и его копиями, или к подсознанию. Отсюда вытекают безграничные возможности манипулирования людьми.

Несмотря на радикальный антисциентизм, критика модернистской культуры альтернативистами содержит ряд позитивных моментов: рассмотрение рациональности и науки в качестве целостного культурно-исторического феномена, развивающегося в определенный тип цивилизации; характеристика развития науки как глобального социокультурного процесса; перенос акцента на личность, на необходимость ее освобождения от гнета репрессивной культуры.

Философия культуры альтернативизма использует идеи структуралистской антропологии (М. Фуко), рассматривающие становление капитализма как вытеснение тех способностей человека, от которых исходит сопротивление нарастающему рационалистическому функционализму. Альтернативная программа требует смены самой парадигмы развития, порожденной сциентистской культурой.

В основе культурного проекта будущего лежит определенный антропологический принцип – реабилитация спонтанности. Выдвижение этого принципа в центр альтернативных исследований обусловлено кризисным состоянием современной культуры. Теоретики альтернативизма рассматривают современную культуру по аналогии с интерпретацией Ж. Бодрийяром современности как эры тотальной симуляции. Широкий спектр социальных феноменов демонстрирует свой симуляционный характер в современную эпоху. Власть выступает как симуляция власти, и сопротивление ей не может не быть столь же симулятивным. Информация не производит смысл, а разыгрывает его, подменяя коммуникацию симуляцией общения. Симуляция располагается по ту сторону истинного и ложного, по ту сторону эквивалентного, по ту сторону рациональных отличий, на которых функционирует любое социальное явление. Реальность в целом подменяется симуляцией как гиперреальностью. Симуляция как форма фиксации нефиксируемых противоречий открывает горизонт события, по одну сторону которого находится мертвящая и жесткая определенность якобы объективного и имманентного событию смысла, а по другую – ослепленность, являющаяся результатом иллюзии смысла. За всеми культурными феноменами обнаруживается дискурс власти, всепроникающая способность которой позволяет ей пересекать, координировать, прерывать любые структуры, что дало основания Ж. Делезу говорить о древоподобности власти. Язык, символизирующий все формы власти, функционирует как древоподобная структура.

Современные дискуссии по проблемам власти фиксируют свое внимание на том, что в границах глобального экономического пространства возникает глобальное политическое пространство, в котором государство теряет компетентность, легитимность и власть, харак-

терные для ведущего агента в мировых связях, и уступает место более комплексному постинтернациональному универсуму, характеризующемуся разнообразием и смешанной политикой [2].

Для постинтернационального универсума характерны проблемы формирования глобальной власти и глобальной ответственности. Исследователи (К. Браун, Ж. Бодрийяр, Ж. Лакан, Ф. Гваттари) обсуждают изменение природы власти в настоящее время: власть превращается в сеть, становится скорее ризоматической, чем иерархической, создается и поддерживается не атрибутами, например насилием, военной властью, экономическим производством, а людьми, работающими и потребляющими в глобальной экономике. Из-за изменившейся природы власти современная империя не похожа на иерархические империи Викторианской эпохи.

«В этой империи военная власть США очень важна в совокупности с гражданской властью, представленной корпоративным капиталом элит, многие из которых являются американскими, но это не специфически Американская империя в конвенциональном смысле этого термина, это и не Америка как государство. Можно провести ключевую аналогию с Римской империей, сеть власти которой базировалась на римских легионах» [3. С. 14–15].

Власть, понимаемая в этом смысле, не имеет места дислокации и не может быть проконтролирована, она вездесуща и создает империю, состоящую из неиерархических сетей.

Предстоящая трансформация культуры невозможна без создания новой метафизики, новой картины мира и нового представления о человеческой природе, так как внутренняя свобода индивида предполагает возможность эволюции культуры в разных направлениях. Ядром отжившего мировоззрения альтернативисты считают материализм, отождествляемый ими с приверженностью к материальному прогрессу, обладанию вещами и господству над природой. Необходимо развить альтернативное метафизическое мировоззрение, которое может дать возможность постичь все последствия научно-технического прогресса в будущем. Кризис ценностей, возникающий, когда какой-либо определенный тип культуры уступает место другому, порождает различные утопические концепции, в связи с чем утопизм и футурология составляют важные компоненты системы альтернативизма. Источником утопических и футурологических построений выступают экологическая этика, романтические утопии и технологический миф, поэтому в альтернативных концепциях можно выделить три типа построений: экологические, романтические утопии и технологические футурологические проекты.

В рассуждениях Э. Фромма конфликт между личностью и природой обладает свойством возобновления в каждом новом поколении и поэтому неустраним в будущем. «Экологические муки земли» (Т. Роззак) проявляются в жизни человека через радикальную трансформацию чувства идентичности природе. Так рождается миф о выпадении человека из целостности природы.

С точки зрения Х. Сколимовски, напротив, экологический кризис не вечен: он обусловлен принципами

мироотношения, лежащими в основе западной цивилизации и оформившимися в культуре нового времени. Автоматизированное, отчужденное экологическое сознание, пришедшее на смену религиозному, порождает эсхатологию потребления, когда последняя замещает сакральные ценности. Выход альтернативисты видят в поиске нового диалога с природой, на основе которого разрабатываются разные теории альтернативного развития, группирующиеся по двум направлениям: практически-преобразовательному и просветительскому.

В рамках первого направления в концепции экологического материализма изучается экологическое превращение земли в новый мировой порядок, основывающийся на экоэнергетических принципах: децентрализованной экономике мелких общин, действующих на возобновляемых, экологически чистых видах энергии. Предлагаемый в экосоциализме альтернативный проект строится на формировании новой экологической культуры: на принципах ограничения потребления ресурсов и централизации всех сфер общественной жизни. Программа экосоциализма (А. Горц, О. Ульрих, И. Иллич) предусматривает отказ от экономического рационализма, развитие гражданского самосознания, изменение в распределении благ.

Другой формой выхода из экологического кризиса является разработка проектов, носящих просветительский характер. Предлагается путь изменения вне системы социокультурных отношений, что приводит к созданию теорий антропологически-личностного изменения человека. Корень экологического кризиса – во внутреннем кризисе самого человека. Экологическая этика может облегчить переход от старых ценностей к новым. В своей концепции Х. Сколимовски предлагает духовную мироориентацию, которая способна выступить альтернативой развития человеческой культуры. По его схеме, религиозное сознание – тезис, технологическое – анти-тезис, экологическое – синтез, так как последнее преодолевает односторонность религиозного сознания, заменяя собой возвращение духовности без подчинения религиозности, и снимает односторонность технологического сознания, так как ценности экологического сознания сосредоточены на универсуме и на жизни. В экофилософии формируется новый тип духовности, символом которой выступает «танцующий Шива», символ развертывания жизни, воссоздания самого себя, целостности универсума.

Современные романтические концепции культуры неоднородны, имеют разные традиции, идущие в Европе от просветителей (Руссо), в Америке – от трансценденталистов (Торо). Сейчас идеи романтиков воспринимаются сквозь призму теорий Н. Брауна, П. Гудмена, Г. Маркузе, других философов, выступивших с критикой современной цивилизации и культуры и попытавшихся сформулировать альтернативу, которая сводится к обоснованию необходимости перехода к новому типу культуры: например, Апокастасия (новая утопия) Т. Розака, чувственная культура Г. Маркузе.

Если бы развитие человечества пошло в направлении формирования чувственной культуры, производство не зависело бы от рационального принципа использования, общественно необходимый труд был бы направлен на создание эстетической, а не репрессивной

среды, на создание зон отдыха, а не массового развлечения и расслабления, что означало бы выдвигание на первый план эстетического принципа как формы реальности. В романтических утопиях представление о будущей культуре ориентировано на создание нового типа культуры с эстетически-эротической ориентацией.

Технологические футурологические проекты появляются в теории альтернативизма не как продолжение развития сциентистской культуры, а как альтернатива неправильному развитию современной науки и техники. Речь идет о возможности коренного изменения цивилизации и культуры в результате научно-технического скачка, качественно отличного от современного научно-технического развития. Рациональная модель прогресса ведет в тупик. Истинный оптимизм заключается не в стремлении защитить ее любой ценой, а в том, чтобы найти ей замену, которая не лишала бы будущего.

В работах постиндустриалистов выделяется попытка смягчить примитивный технодетерминизм предшествующих теорий, фатально предопределявших дальнейшее развитие культуры. Будущая культура изображается многовариантно. Кризис современного общества и культуры теоретики постиндустриализма объясняют разрывом между принципами высокоиндустриализированной экономики (эффективность, минимальная себестоимость, максимализация прибыли, рациональность) и ориентацией современной культуры на гедонизм, иррациональные формы поведения, антиинтеллектуализм. Культура будущего строится на других принципах. Ее становление обусловлено переходом от индустриального к сервисному обществу, решающим значением кодифицированного научного знания для осуществления технологических инноваций, превращением новой интеллектуальной технологии в «ключевой момент анализа и теоретического принятия решений» (Д. Белл).

Выдвижение в центр исследований постиндустриальной культуры проблемы технологии связано с разрывом между быстрыми темпами ее роста и минимальным прогрессом в социокультурной организации и человеке, контролирующем собственную продукцию. Преодолеть этот разрыв поможет появление нового типа технологии – комбинаторной, подразделяющейся на три класса: новая информационная технология, служащая для переработки и передачи буквенно-числовой информации; новая биотехнология; новые материалы. К середине XXI в. на первый план выйдет биотехнология. На основе ее развития будет формироваться биоэтика как новая культура, задача которой состоит в биологическом обосновании нравственных ценностей, адекватных условиям нового мобильного общества. Принятие такой культуры обеспечит гармонию и гуманизм в условиях постоянного технологического прогресса.

Ренессанс технократической культуры представители постиндустриализма интерпретируют как благоприятный знак, не говоря уже о художественном применении новых технологий. Сейчас человечество близится к осмыслению технологии как одного из искусств. Развитие техники требует поместить ее в более широкую перспективу, а именно в рамки социальной (или куль-

турной) мутации. Ж.-П. Кантен подчеркивает, что точнее было бы говорить не о смене технокультуры социокультурой, а о прогрессивном переходе к новому этапу цивилизации, на котором ведущей становится социокультура. Речь идет о глобальной инновации со всеми ее составляющими.

В информационном обществе знание и информация будут выступать в роли основных агентов социальных и культурных преобразований, обеспечивая процесс трансформации современной культуры в новый тип, ключевым элементом которого станет производство информации, которое по своей значимости превзойдет материальную продукцию, энергию и услуги. Самовозрастание информации придет на смену самовозрастанию капитала.

Информационное измерение культуры сопоставимо с такими эпохальными процессами, как индустриализация и книгопечатание, отразившимися на функционировании знания, психологии и стиле мышления. Культура как система знаковых средств представляет собой естественный объект хранения и передачи информации. Принципиальное отличие информационной технологии от предыдущих заключается в том, что ее объектом выступают не материальные предметы, а ментальные. В области культуры задача состоит в том, чтобы выйти на качественно новый уровень участия человека в творческой деятельности за счет создания новых форм культурной жизни.

В процессе информационной революции впервые осуществляется объективная технологическая возможность открыть доступ для всех к любым массивам человеческих знаний. Условия информационной революции: гарантированное получение информации всеми гражданами, осознание примата личностного аспекта, новый этап обращения человека к знанию. Возникновение общего мирового информационного рынка, стимулированного развитием телекоммуникаций, уже сейчас ведет к появлению новой культуры, в которой меняется само значение и социальный статус информации. Сейчас пока трудно оценить культуру в масштабах информационного шока, но можно понять, сколь велика его роль [4]. Информация охватывает все стороны жизни общества, порождая информационную инфраструктуру.

Теоретики информационного общества подчеркивают неоднозначность и поливариантность культуры будущего. Разные представления о будущей культуре обусловлены не только региональными и национальными традициями, но и направленностью исследовательских поисков: опора на традиционализм, попытка рационального включения новых технических изобретений в культурную систему, опыт конструирования новой общественной данности с особым стилем жизни и уровнем культурного потребления. Исследователи отмечают, что современная техника может привести к полному перерождению человека и окружающей среды, поэтому необходимо охранять ценности человеческой культуры.

Гуманитарная культура устарела. С появлением средств массовой коммуникации структура культуры претерпевает глубокие изменения. Целостная система знаний заменяется набором сиюминутных установок, распределяемых через средства массовой информа-

ции. Формируется концепция мозаичной культуры вместо гуманитарной. Основным отличием новой культурной ситуации является ее непрерывная изменчивость. Теоретики информационной культуры говорят о новой культурной парадигме. Накопление технических возможностей неизбежно приводит к качественному скачку. Возникают новые, необычные по своим возможностям средства массовой коммуникации. Будущая культура – культура, основанная на технологическом развитии высокой надежности. Подобно тому, как компьютеры, развиваясь и совершенствуясь, перерождаются и образуют системы новых поколений, культура, основанная на коммуникативных приборах одного поколения, должна качественно отличаться от культуры, базирующейся на коммуникативной технике следующего поколения. Лишь тогда, когда технические машины общения прочно займут свое место в системе массовой коммуникации, получат эстетическое наполнение, закончится этап первого поколения коммуникативных средств.

Развитие культуры в будущем предоставит возможность генезиса человека как нового вида (благодаря компьютеру). По мере того как добровольные гражданские информационные сети формируются новыми средствами коммуникаций и человек освобождается работами от непосредственного участия в производительном труде, создаются условия для генезиса человека нового типа, человека сведущего. Анатомически этот вид не будет иметь особых свойств. Новый человек является человеком высокого интеллекта. Человек нового типа построит цивилизацию, коренным образом отличающуюся от построенной человеком разумным. Общество и культура нового типа будут интеллектуальными. Информационная среда создает основу интеллектуальной производительности, полностью отличную от материальных ценностей в следующих отношениях: неисчерпаемость, непеносимость, эффект накопления.

Альтернативисты предлагают новую трактовку традиционных ценностей новоевропейской культуры: рационализма, индивидуализма, гуманизма. Основным принципом формирующегося рационализма является плюрализм. Модернистское рациональное мышление утратило жизнеспособность. А. Этциони подчеркивает, что идеал современного общества качества жизни является альтернативным видением и легитимационным принципом, не расширяющим, а вытесняющим рациональность [5].

Обосновывается необходимость появления альтернативного разума, который приобретает потенциальную возможность обеспечить стабильность системы биосфера – человек. Возникающий коллективный интеллект предоставляет человеку определенный шанс сохранить себя в биосфере. Поиск альтернативных ценностей приводит к утверждению индивидуализма особого рода, очищенного от прагматизма, утилитаризма, эгоизма и причудливо сплавленного с гуманистическими и демократическими ценностями.

Альтернативисты считают, что необходимо развивать гуманизм посттехнологической эпохи, который трансформировал бы почерпнутые из прошлого принципы и нормы и способствовал появлению новых ценностей, восстанавливающих равновесие человека. В

системе новых ценностей «жизненный разум» (Х. Ортега-и-Гассет) самим фактом своего присутствия должен вытеснять остальные. «Тема нашего времени заключается в придании разуму жизненности, в биологической локализации разума, в подчинении его спонтанному» [6. С. 29]. Новый гуманизм не что иное, как подлинная человеческая революция, смысл которой в моральном просвещении человека, в пробуждении его гуманистической совести, в попытке дать сердце бессердечному миру. Новое представление о мире предполагает утверждение экологического гуманизма.

Теоретики альтернативизма сознают неделимость, целостность мира: для существования Я необ-

ходимо бытие целого. В связи с этим закономерно появление глобализма – шага, приближающего к космическому сознанию. Теоретики постиндустриальной и информационной культуры пытаются представить развитие знаний и информации как процесс, не являющийся продолжением развития сциентистски ориентированной культуры, а скорее противоположный ей. Из этой установки рождается попытка рассматривать технику будущего как искусство и стремление оценить информационное измерение культуры как третью революцию в истории новейшей европейской культуры (вслед за индустриализацией и книгопечатанием).

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркузе Г. Одномерный человек. М. : REFL-book, 1994.
2. *Remapping Global Politics. History's Revenge and Future Shock* / Val. H. Ferguson. Rutgers University, New Jersey and Richard W. Mansbach, Iowa State University, 2004. 380 p.
3. Brown C. Do Great Powers Have Great Responsibilities? Great Power and Moral Agency // *Global Society*. 2004. Vol. 18, № 1. Jan.
4. Тоффлер А. Фукурошок. СПб. : Лань, 1997.
5. Etzioni A. Behavioral Economics: Towards a New Paradigm // *American Behavioral Scientist*. 2011. Vol. 55, № 8. Aug.
6. Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М. : Наука, 1991.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 22 мая 2012 г.